

БМ

БАССЕЙН МОСКВА
социально-
художественная
акция
27 мая 1994

Андрей Великанов МЕНТАЛЬНАЯ ИЗОТЕРМА ЯНВАРЯ

Третий Рим, Кропоткинская наб., 37

Каждому известно, что Москва имеет радиально-кольцевую схему застройки. Один абсолютный центр, от него расходятся идеально прямые радиусы на окраины города, в другие города, в другие миры, галактики. Вокруг города постепенно нарастают кольца — годовые, вековые, тысячелетние. Город, когда-то начав движение, постепенно подчиняет себе окружающий хаос, организует, кристаллизует его. Эта идеальная схема конечно же не соответствует действительности. Начнем с того, что если сравнить хаотичность Москвы с окружающим пространством, то скорее всего последнее окажется более организованным. Где находится центр Москвы? Кремль ли это, историческое начало Москвы? В архитектурном смысле — да, но в смысле центра структуры этот факт очень часто подвергался сомнению. Петр I, испытав на себе всю хаотичность Москвы, решил перенести столицу на болотистые берега Финского залива. В данном контексте обычно говорят о патриархальности Москвы. Петру надо было перестроить страну заново, Москва со своими устоявшимися обычаями ему мешала, и так далее. Не лучше ли в этом случае употребить слово матриархальность? Москва — это социально-архитектурная структура с ярко выраженным женским характером. Действие Петра можно трактовать следующим образом: герою — мужской силе — противостоит вязкая женская сущность, которую он не может победить, тогда он одерживает победу над другой женской сущностью — болотом. Петербург претендует на ту самую "правильность", кристалличность, в которой отказано Москве. Единственный перекресток, в котором улицы не пересекаются под прямым углом, называется "Пять углов", и является петербургской достопримечательностью.

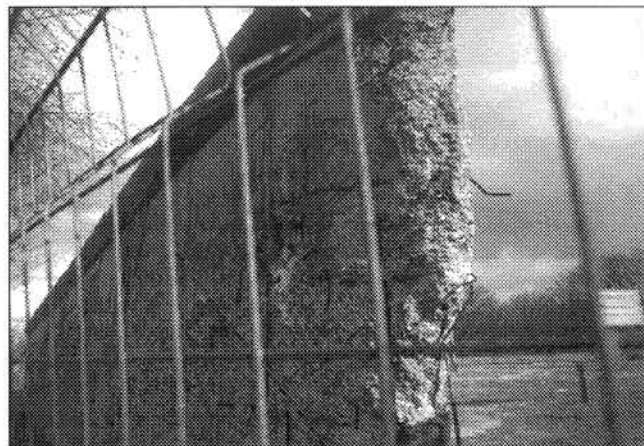
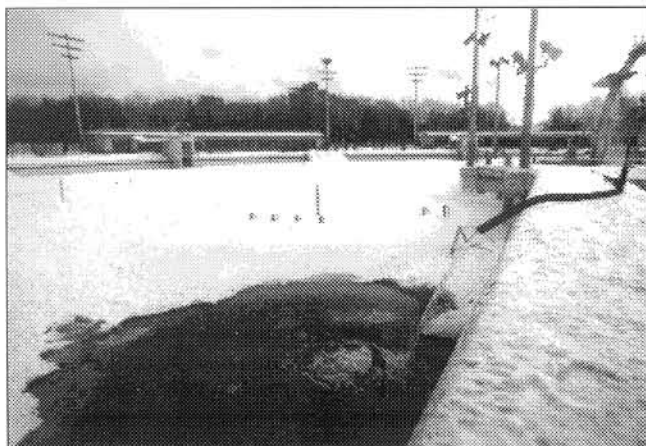
У Ивана Грозного тоже по-видимому были какие-то сомнения, поэтому он перевел свою резиденцию в Александровскую слободу, но до этого была другая попытка — двор Малюты Скуратова, который стоял совсем недалеко от Боровицкого холма, немного юго-западнее, в прямой видимости, в болотистом месте под названием Чертолье. Здесь и появились впервые молодые мужчины, крепкие телом, духом и пенисом, презирующие все женское и известные нам как опричники.

Происхождение слова Чертолье точно неизвестно, то ли от ручья Черторый, затопившего все это место, то ли от

черта, но некоторое время спустя здесь появился Алексеевский женский монастырь. В 1837-ом году монастырь снесли, а в 1883-ем достроили Храм Христа Спасителя. Храм был виден из окна кремлевского кабинета Сталина, который будет следующим нашим героем. Проект, который можно с полным основанием приписывать Сталину, включал в себя следующее: на месте храма возносится грандиозное сооружение — Дворец Советов с вращающейся фигурой Ленина, от Дворца во все стороны расходятся прямые проспекты-радиусы. Прямоизна проспектов подразумевалась буквальной, как в упомянутой идеальной модели. Кстати, Новый Арбат был построен по проекту, явившемуся следствием того, неудавшегося.

Москва имеет радиально-кольцевую схему по той же причине, по какой дерево имеет годовые кольца. Попытка превратить эту схему в нечто идеально правильное закончилась полной неудачей. У города на самом деле нет центра, древесный ствол в середине как правило мягкий. Можно сказать также, что у Москвы два центра, один — Боровицкий холм, Кремль — когда-то символ мужской силы молодого московского государства, и, рядом, — вагина болотистого Чертолья, дубликат центра, изнанка его сущности. Мечту Сталина о Дворце Советов, этом фаллическом колоссе, пронзающем небо верхней частью фигуры Ленина (в буквальном смысле, так как по проекту Б.Иофана общая высота здания должна была быть выше нижнего уровня кучевых облаков), можно интерпретировать как попытку победить, преодолеть хаотичную, темную, вязкую, женскую сущность города. Но сущность не поддалась и возник бассейн, почти буквальное воплощение вагины.

Практически любой крупный город мира имеет некое символическое архитектурное сооружение. Имеется в виду не нечто банально красивое, как Эйфелева башня для Парижа, а скорее такое, как берлинские стены. Такие сооружения обычно имеют трагическую или скандальную историю, они могут вообще исчезать, потом появляться снова, но всегда присутствуют метафизически. Кстати, несмотря на физическое отсутствие, в Берлине стена остается, незримо деля город на западную и восточную части. Когда я первый раз увидел берлинскую стену, чувство разочарования было довольно сильным. И это пресловутый железный занавес? Бетонные блоки никак не подходили для границы, разделяющей два мира. Мое воображение рисовало нечто внушительное, ампириное, типа архитектуры ВДНХ созданными пропускных пунктов в виде павильонов "Воспроизводство

сельскохозяйственных животных". Согласился бы я также на какое-нибудь технологически современное деление Миров в виде полупрозрачной пленки, в которой имелось бы отверстие, как на иллюстрации в старинном учебнике астрономии, где путешественник, дойдя до конца света, просовывает голову в небесную сферу и наблюдает движение незнакомых светил и комет.

Берлинская стена была, вероятно, попыткой сделать физически видимым характерный разлом в сущности бытия. И дело тут не только в попытке отделить цивилизацию от диких просторов гуннов и скифов, хотя в Европе до сих пор ощутима бывшая граница Римской империи. В современном мире редко бывает так, что барьеры между социальными, идеологическими и субъективными пластами получают столь яркий визуальный образ, как берлинская стена. По иронии судьбы "Запад" в Берлине не есть все то, что находится к западу от некоторой линии, "Запад" помещен внутри концентрической стены. Реалии сегодняшнего Берлина и вообще Германии таковы, что Восток политически "правее", чем Запад. Для дискурса правых характерно отождествление с мужским началом и тогда аналогия стены с московским бассейном напрашивается сама собой. Разделение Берлина, города-андрогина времен Веймарской республики, можно интерпретировать как разделение на мужскую и женскую часть, причем мужская структура окружает со всех сторон замкнутую женскую. Есть еще нечто общее между Москвой и Берлином — потерянный и вновь обретенный статус столицы, причем в Берлине эта ситуация получила дополнительный нюанс: лишь только западной, женской части было отказано в столичности.

Стало уже общим местом, что Россия является неким мистическим образованием, разделяющим Европу и Азию. Еще Чаадаев говорил, что Россия не принадлежит ни Западу, ни Востоку. Эта мысль может принимать самые неожиданные формы, Лев Гумилев, например, говорил, что граница, отделяющая Европу от Азии — отрицательная изотерма января. Образ границы, как математически бесконечно тонкой линии, разделяющей две различные структуры, может быть заменен образом самостоятельной замкнутой структуры, Россия как раз и является таким грандиозным пограничным образованием. В советское время это превратилось в утверждение, что первое в мире социалистическое государство окружено со всех сторон враждебным капиталистическим миром. Идея строительства берлинской стены принадлежит Хрущеву, и можно сказать, что попытка превратить Запад в некоторое замкнутое компактное образование была попыткой перевернуть, изменить

существующее положение вещей, поменять Восток и Запад местами, придав Западу статус пограничной структуры.

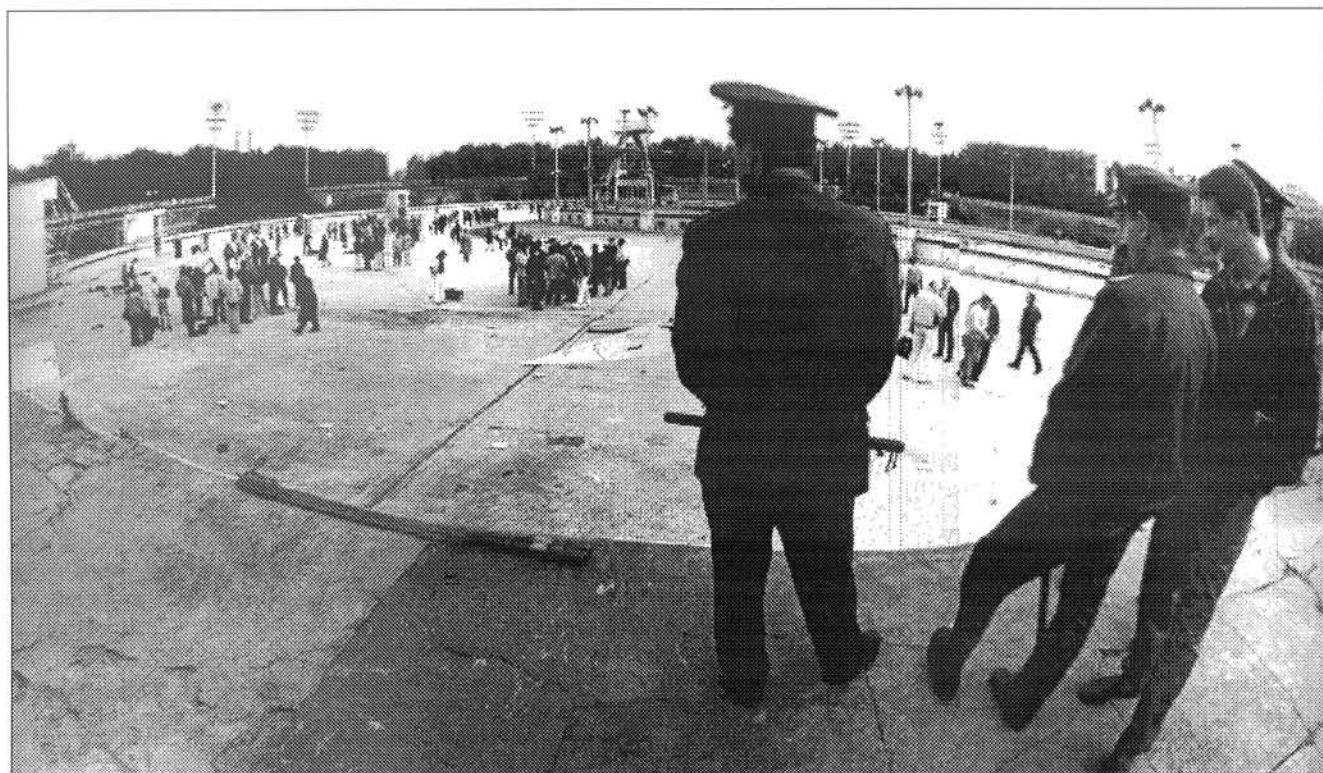
Когда-то в поддержку тезиса о Москве, как Третьем Риме, в числе прочего было установлено, что город стоит на семи холмах, семи фаллических символах империи. Один из них, нет сомнения, имеет своего антипода. Можно ли найти в Москве семь впадин, семь вагинальных атрибутов демократии?

Акция БМ

Итак, не остается сомнений, что место в Москве между улицей Волхонка и Кропоткинской набережной необычайно странное и впитывает в себя буквально весь трагизм русской истории. Это место получило целый набор различных ярлыков: это и символ национального единства и символ национальной катастрофы, это святое место для православной церкви и сатанинское болото (что, кстати, этимологически первоначально — Чертолье). История этого места и многочисленные спекуляции последних лет, связанные с ним, являются хорошей метафорой проблем русской культуры на протяжении столетий и хорошим примером для осмысления современного культурного пространства, доставшегося нам в наследство, и связанной с этим растерянности.

Эти соображения послужили основой для проекта "Бассейн Москва" как некоторого буквально лабораторного эксперимента, позволяющего наблюдать взаимодействие различных социальных групп, создать поле ("бассейн") различных мнений и попытаться проанализировать современную культурную ситуацию. Особая историческая насыщенность и трагичность места проведения акции позволяла надеяться, что никто из участников не останется равнодушным и бассейн будет действительно заполнен различными позициями и взглядами.

Вместе с тем акция не была ни дискуссионной встречей, ни социальным опросом, ни научным исследованием в прямом смысле, хотя и использовала некоторые особенности перечисленных категорий. Сам вопрос, заданный участникам, и, в принципе, до предела несерьезный: "Чем, по Вашему мнению, может или должна быть наполнена пустая чаша нефункционирующего бассейна "Москва"?", говорит о том, что акция была некоторой игрой со своими правилами и ограничениями, со своей системой ценностей. Само понятие "игра" означает, что правила важнее цели, которая может вообще отсутствовать. Весь проект, включая в себя подготовку акции, саму акцию 27 мая, демонстрацию некоторых

политических и религиозных сил против акции, реакцию московской прессы и последующий анализ, является одним общим произведением искусства двух авторов проекта. Причем позиция авторов — это позиция художников, оперирующих скорее этическими, чем эстетическими категориями.

Итак, авторы выбрали около тысячи респондентов, представителей различных социальных, профессиональных, идеологических и других сфер. Предполагалось, что эти люди зарекомендовали себя в общественном мнении как производители идей, или являются своего рода центрами социокультурных образований (см. текст приглашения на стр.34). Каждому из участников был предоставлен участок дна бассейна размером около 9 кв. метров. Участки содержали таблички с именами приглашенных. Участникам предлагалось высказаться в любой мыслимой форме, не противоречащей уголовному кодексу и конституции РФ — произведение искусства, текст, музыкальное выступление, перформанс и т.д.

27 мая 1994 года, в день проведения акции, официально зарегистрировались 127 участников и около 120 представителей средств массовой информации. В каталог (стр.38-74) вошел 181 участник, то есть все те, кто каким-то образом отреагировал на приглашение, — личное присутствие, некий предмет, текст, телефонный разговор, а также те, кто по собственной инициативе зарегистрировался во время проведения акции. Одну отдельную и совершенно специальную категорию представляли собой те люди, которые активно протестовали против проведения акции (около ста человек, в том числе такие лидеры патриотических и религиозных организаций, как Аксютин, Щербаков, Стерлигов и др.). По поводу часто обсуждаемого здесь "мужского" и "женского" статистика выглядит следующим образом: среди приблизительно тысячи приглашенных — 17% женщин (что никак не является преднамеренным), а среди участников в каталоге — 22%. Большинство официальных участников в профессиональном отношении были тем или иным образом связаны с искусством и масс-медиа, другие же профессиональные группы, такие как наука, политика, экономика, литература, кинематограф были, как правило, представлены двумя-тремя участниками. Некоторые телевизионные программы, такие как НТВ, CNN, TV-Галерея, ZDF, 2x2, а также газеты "Сегодня", "Независимая", "Аргументы и факты", "Вечерний клуб", "Иностранец", "Куранты" и др. поместили более или менее подробную информацию о состоявшейся акции. Все это позволяет утверждать, что некое поле различных взглядов, мнений, интересов было создано и это дает возможность провести анализ сложившейся ситуации.

При подготовке акции планировалось, что наличие среди участников различных социальных и профессиональных групп позволит наблюдать диалог или конфронтацию социологетов, характерных для современной России. Практически же получилось, что самым распространенным языком был язык концептуального высказывания. Это можно сказать, конечно, только с некоторой натяжкой, поскольку далеко не все участники отдавали себе отчет, что они применяют этот язык. Совсем уж нельзя сказать это про действия людей, которые принимали участие в акции протеста, и, тем не менее, крестный ход с песнопением вокруг несуществующего, виртуального храма (вокруг развалин бассейна, который даже стоит на несколько другом месте, чем храм) претедует на самое интересное действие концептуального плана, не сравнимое по силе ни с чем, что происходило внутри бассейна. На следующий после акции день "сатанинские" таблички с именами были теми же людьми окроплены святой водой и эта замечательная инсталляция тысячи имен с грязноватыми пятнами просуществовала несколько дней (фото на стр.7). Это было опять-таки интересней тех робких попыток игры с именами неприсутствовавших участников, которые можно видеть на стр.6.

Итак, складывается впечатление, что единственным социальным барьером, существовавшим во время проведения акции, была невысокая металлическая ограда, окружавшая бассейн "Москва".

Масс-образ и сакральное

Тем не менее, можно говорить о некотором дотаточно общем конфликте современной культурной ситуации, который также проявился и во время акции БМ. Этот конфликт может быть описан через две возможные парадигмы, которые условно можно назвать сферой масс-образа и сферой сакрального, причем оба термина нуждаются в ситуационном определении, которое я попытаюсь дать, приведя несколько примеров описательного характера. Первая из парадигм подразумевает в большей или меньшей степени свободное функционирование коммуникационного поля, наличие хорошо развитых каналов информации. К этой сфере также можно отнести определенные социальные явления, а также некоторые категории, которые можно было бы определить через "профанное". Чтобы дополнить это нагромождение так не подходящих друг другу вещей, назовем его еще термины "женское" и "демократия". Дело в том, что речь идет не о каких-то стройных философских построениях, а об описании некоторого явления, такого как масс-образ, в более привычной терминологии близко соотносящегося с понятиями "общественное мнение" и "массовая культура". Вторая парадигма подразумевает наличие некоторых закрытых сакральных зон, а также понятие трансцендентного. Сюда можно было бы еще отнести понятие архетипического, но скорее не в юнговском смысле "коллективного бессознательного", которое больше подходит для первой парадигмы, а в первоначальном, платоновском, как некоторого изначального образа, идеи.

Итак, даже после этих описательных подходов к двум парадигмам, более или менее ясно, что они друг с другом не соотносятся, не вступают в конфликт, поскольку находятся в различных, разделенных слоях, эшелонах сознания. В каждой общественной структуре эти парадигмы существуют друг от друга достаточно независимо.

Я хотел бы подчеркнуть, что ни в этих, ни в последующих описаниях не содержится никаких моральных оценок приводимых явлений, никаких индивидуальных пристрастий. В принципе, отсутствует даже личная позиция, вся проблематика интересна мне именно потому, что существует противопоставление двух парадигм. Если некоторое личное отождествление и происходит, то именно с тем барьером, который разделяет две модели.

Остановимся подробнее на примерах масс-образа. Практически все участники акции БМ так или иначе касались судьбы Храма или его в некотором смысле антипода — бассейна. Все многообразие их противоречивых высказываний складывалось в некий единый комплекс, связанный со многими историческими событиями, в том числе и с историей храма Христа Спасителя. Сразу можно отметить, что это некоторая легенда, в которой присутствует множество различных фактов. Здесь и проклятие старицы, настоятельницы Алексеевского женского монастыря, сказавшей, что раз разрушен один храм, то другой здесь стоять уже не может и когда-нибудь на этом месте будет грязная лужа, и история постройки и разрушения храма — множество

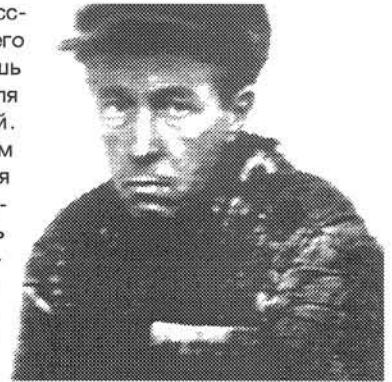
мистических особенностей с этим связанных, и спекуляции по поводу бассейна и его роли по отношению к храму и русской истории. Все эти факты укладываются в некоторую общую схему, комплекс представлений. Этот комплекс, попадая в пространства различных социолоктов, претерпевает некоторые изменения, одни и те же факты трактуются по разному соответственно различным этико-эстетическим представлениям. Существуют различные дискурсы, одни и те же факты и легенды превращающие в более или менее отличающиеся друг от друга композиции. Тем не менее, каждый из дискурсов обращается к некоему потенциальному слушателю, потребителю. Можно конечно предположить, что в каждом конкретном случае такая композиция не выходит за пределы своего социолокта, но представим себе, что существует некий абстрактный единый потребитель, некий великий благодарный слушатель. Это можно посчитать утопией, но тем не менее хорошо развитые каналы информации, современная система масс-медиа, создают такого слушателя. Создают не в том смысле, что формируют его вкусы, а в том, что делают возможным существование среднего потребителя, диктующего свои вкусы и представления. Массовая культура, существующая в западном обществе, много раз описана и исследована. Для России это является новым лишь в том смысле, что многие десятилетия каналы информации были закрыты или жестко контролировались, теперь же существует совсем другая реальность.

Общезвестные категории массовой культуры, такие как комиксы, мыльные оперы и т.д. имеют к масс-образу лишь опосредованное отношение. Характерный недавний пример масс-образа на Западе — это случай с американским актером и футболистом Симпсоном. Кумир всех черных подростков, национальный герой Америки, О.Дж. Симпсон убил свою жену и ее друга. Частная трагедия одной семьи превратилась в информационный взрыв. Практически все американские телеканалы прекратили передачи и показывали непрерывно несколько часов погоню за О.Дж., который удирал от полиции. Те из зрителей, которые имели такую возможность, спешили к дороге (маршрут на телеэкране), со своими одобрителными футбольными возгласами. Кадры погони иногда сменялись студийными обсуждениями проблемы и большинство дискутировавших сходились на том, что раз уж так случилось, то национальный герой должен с собой покончить. И когда О.Дж. мирно вышел из автомобиля и протянул руки для наручников, вся нация слилась в едином разочарованном междометии. Можно, конечно, сказать, что масс-медиа создают определенный образ, в котором реальные события густо смешаны с различными интерпретациями, легендами и элементарной диффамацией, чтобы его можно было продать потребителю. Однако скорее сам потребитель создает этот образ, а сотрудники средств массовой информации лишь обслуживают грандиозную машину, удовлетворяющую его вкусы. В случае с Симпсоном существует реальный социальный слой событий, который, в принципе, сводится к взаимоотношениям черного и белого населения США. Насколько взрывоопасна эта ситуация показывают события в Лос-Анжелесе в 1993 году. Этот реальный слой создает основу для масс-образа, создает обширную аудиторию, потребляющую его. Но масс-образ лежит где-то над реальным

слоем и имеет к нему лишь опосредованное отношение.

Очень важно отметить, что масс-образ всегда включает в себя большое количество различных информационных материалов, интерпретаций, негативных и позитивных оценок относящихся к различным этико-эстетическим представлениям. Это некий гигантский конгломерат, мыльный пузырь, выросший из информационных наростов на теле реальных событий, оторвавшийся от них и, покачиваясь и сверкая радужными пятнами, плывущий в информационном поле.

Летом 1994 года в Россию вернулся Солженицын и в связи с этим мне хочется отметить лишь небольшую частности, а именно некоторые спекуляции по поводу того, что его лагерные фотографии, появившиеся для всеобщего обозрения в пору его сотрудничества с "Новым миром", сняты не в лагере, а гораздо позже в инсценированной обстановке. Для сути масс-образа совершенно не важно, насколько это соответствует действительности. Важно, что существует большое количество интерпретаций этого сообщения. Рассмотрим некоторые из них: 1) фотографии инсценированы Солженицыным для создания своего имиджа, 2) сообщение ложно и выпущено для того, чтобы очертить его образ, 3) фотографии оригинальны, но то что появиться сообщение об их ложности придает Солженицыну качества талантливого создателя своего имиджа. Эти варианты можно продолжать, важным однако является то, что сам Солженицын, вероятно действительно талантливо работающий над своим образом, не является, тем не менее, автором масс-образа, связанного с его именем. Он может лишь давать все новую пищу для новых интерпретаций. Истинным же автором масс-образа является усредненный потребитель информации, то есть Некто или Никто, — телевизионный зритель и читатель газет, которому и принадлежит "авторство" всех возможных интерпретаций.

Классический пример функционирования масс-образа — случай с АО МММ. Опять-таки нельзя назвать Сергея Мавроди или художника, сделавшего рекламные клипы, авторами масс-образа. Хотя на первый взгляд все происшедшее — их детище от начала до конца. На самом же деле они правильно удовлетворили вкусы усредненного потребителя информации. То, что массовый потребитель проиграл экономически — событие как бы из другого мира, в поле информации он остался удовлетворенным. Мавроди или кто-то еще получили как раз экономическую выгоду, но вот сказать, что они создали масс-образ, нельзя. Создать и потом контролировать масс-образ в условиях, отличных от условий вечного тоталитарного государства, невозможно, да и то это было бы явление другого порядка — образ диктатора. Я не случайно употребляю всегда словосочетание "масс-образ" относительно к конкретному событию, это всегда образ только

одного явления — усредненного безличного потребителя информации. Успех клипов МММ во многом объясняется тем, что этот персонаж увидел себя на экране.

Итак, что же такое масс-образ? Первое и совершенно необходимое условие его существования — хорошо развитые каналы информации. Второе — массовый усредненный потребитель информации, вкусы которого очень сильно влияют на масс-медиа. Необходимо также некоторое затравочное событие, совсем необязательно, чтобы это было нечто грандиозное, лишь бы оно затрагивало интересы потребителя. Информационный бум вокруг такого события обычно нарастает с огромной скоростью. Интересным является то, что само реальное событие в определенной степени вообще пропадает, вернее оно превращается в интерпретацию самого себя, равную по приоритету другим интерпретациям. Реальность растворяется в обилии побочных значений. Если определять масс-образ в логосфере, в области языка, то можно назвать его суперпозицией коннотаций. Различные коннотации могут в корне противоречить друг другу и, тем не менее, они составляют необходимые части одного слова или понятия. Здесь хотелось бы привести две цитаты из Бодрийара: "Всякая система, которая втягивается в тотальный сговор с самой собой, так что знаки перестают иметь в ней какой-либо смысл, именно по этой причине оказывает замечательное по силе гипнотическое, завораживающее воздействие." "...если божественное призвание всех вещей — найти некий смысл, некую структуру, в которой они свой смысл основывают, то дьявольская ностальгия, которая несомненно также ими движет, толкает их к растворению в чистых видимостях, в соблазне собственного образа".

Масс-образ содержит в себе, как правило, весь спектр моральных оценок — от крайне положительных до крайне отрицательных. Не существует какой-то одной правды, всякая правда имеет право на существование. Масс-образ как целое потребляется различными социальными группами одинаково интенсивно. Несмотря на то, что одна из интерпретаций объявляется некоторой группой "правильной", другие интерпретации также для нее необходимы. Стадии абсолютной информированности и полного незнания, кристаллической организованности и полного хаоса очень быстро сменяют друг друга и сопутствуют друг другу. Создается впечатление некоторой самовозбуждающейся резонирующей системы, излучающей информационно-энтропийные волны. Для масс-образа характерно непрерывное действие, у него нет окончательного результата, который не подлежит обжалованию. Все это наталкивает на мысль, что сущность масс-образа — женская. Для мужского дискурса характерны определенное авторство, кульминация и конечный результат, наличие одной и только одной правды. Смысл женскости масс-образа заключается не в том, что основной его потребитель — женщина (как, например, основной зритель мыльных опер — домашние хозяйки). Этот смысл заключается в полоролевом конфликте массового сознания. Мир, все больше отходя от мужской парадигмы, осознает себя если не феминино, то андрогином.

Возвращаясь ко второй из предложенных парадигм, парадигме сакрального, эзотерического, можно сказать, что она находится как бы за высокими крепостными стенами, о

которые разбиваются волны масс-образов. Именно эта стена и представляет особый интерес настоящего исследования. Возможный случай столкновения на одной территории массового и сакрального подразумевает вторжение масс-образа в тело сакрального, его "профанацию". Это в некоторой степени парадокс современной культуры, обычно подразумевается, что культура принимает в свое тело профанное, "облагораживая" его. Соотношение массовой культуры и сакрального представляется противоположным тому, как описано соотношение культурного архива и профанного у Б.Гройса ("О Новом"). Трудно себе представить, чтобы существовали музеи или частные коллекции для некоторых визуальных или любых других атрибутов масс-образов. Например, кажется нелепым кинотеатр, в котором был бы организован просмотр полной коллекции клипов МММ.

Профанное сакральное перестает быть сакральным, оно теряет таким образом свою "элитарность" и переходит в разряд "плебса". Две тысячи лет назад на основе ничтожного события — насильственной, но весьма распространённой смерти никому не известного учителя маленькой маргинальной религиозной секты возникло христианство. Интересна его судьба не как сакрального явления, а как мощнейшего масс-образа, потребляемого как правило именно таковым, как дикая смесь суеверий, язычества и фальсифицированных христианских идей. Развитых каналов информации не существовало, и этому масс-образу потребовались века, чтобы набрать силу, да и произошло это только в Риме, который можно себе все-таки представить как некую информационную систему. Интересным является то, что христианство было использовано в Риме из соображений укрепления государства. Христианство осмысливается как масс-образ в хорошо известном музыкальном произведении, которое само претендует на некий шедевр массовой культуры: "Jesus Christ Superstar" (Andrew Lloyd Webber, Tim Rice). "Why'd you choose such a backward time and such a strange land? If you'd come today you would have reached a whole nation, Israel in 4 BC had no mass communication." Вопрос, обращенный к Иисусу вполне закономерен: "Почему ты выбрал такое отсталое время и странное место? Теперь бы ты получил всю нацию, Израиль в 4 веке не имел средств массовой коммуникации". Вопрос обращен не к сыну Бога, а к автору масс-образа, потерпевшего неудачу. Суть реальных событий и идей, положивших начало масс-образу, не имеет большого значения. "Could Mahomet move a mountain or was that just PR?". "Мог ли Магомет сдвинуть гору или это было только газетной уткой?" — сакральность события оборачивается лишь сомнением в достоверности, на которое можно закрыть глаза, если оно противоречит функции масс-образа.

Две описываемые модели отличаются также эстетическими принципами. Для модели сакрального ясно, что в основу эстетики положены некоторые миметические признаки, поскольку трансцендентной структуре придаются качества абсолюта, и все в окружающем мире, что соответствует этой структуре, считается "красивым". Эстетика массового не есть нечто противоположное эстетике сакрального. Противоположной являлась скорее эстетика технологического века, когда после эпохи Просвещения и в период веры в торжество разума утверждались новые эстетические принципы. Они

привели к тому, что место трансцендентного занял человек — художник-модернист, который имел возможность создавать сам эстетические принципы. У масс-образа эстетических принципов как бы вообще нет. "Красивым" может оказаться что угодно. Клипы МММ сами по себе красивы, но они красивы какой-то уже знакомой стилистикой (простой антураж, белый фон). Интересно то, что вся история — клипы, сплетни, скандалы, статьи, слухи потреблялась в момент пика с каким-то исступленным наслаждением. Здесь скорее можно говорить о неких эвдемонических принципах. Массовое сознание, пользуясь мощными потоками информации, текущими по каналам масс-медиа, эстетизирует любое нарцисстически интересное ему событие, обволакивая его слоями вождельного, безумно прекрасного вещества масс-образа.

Несоотносимость двух моделей сознания подчеркивает тот факт, что в принципе сколь угодно большое количество людей сколь угодно долгое время может оставаться в одной из них, имея о другой лишь смутное представление или отказывая ей в сколько-нибудь заметной экзистенции. Обе парадигмы могут сосуществовать усешно и в одной голове, никак не мешая друг другу. На Западе точная наука в принципе не вступает в конфликт с религией. Для Эйнштейна конфликт веры и точной науки выражался всего лишь в инеллигентных сомнениях по поводу совместимости теории хаоса и идеи создания мира высшим существом.

Можно предложить несколько условную и упрощенную модель, подразумевающую, что в западном, европейском современном обществе культура определяется приматом массового, тогда как во многих восточных — приматом сакрального. Современная западная структура неизменно ассоциируется с некой универсальной экономической формой "мирового" масштаба, которая подразумевает свободное функционирование коммуникационного поля. Нечто сакральное, вернее профанизированное сакральное существоует лишь постольку, поскольку оно потребляется достаточно большим количеством людей. Господь Бог представляется стоящим на блошином рынке в одном ряду с Фрейдом, Марксом и Деррида и предлагающим свои ценности случайному прохожему. В конце дня они подсчитают свои доходы, и тот, кто не наскребет прожиточного минимума, просто не дотянет до завтра. Причем, если бытовая сфера достаточно защищена многочисленными социальными институтами, то в сфере идей царит жестокий закон джунглей и нельзя получить метафизическую социальную помощь. Но это происходит лишь на уровне массового, на уровне же сакрального религии ничего не грозит. Даже если профанный массовый Бог со всеми своими позолоченными атрибутами разорится, и не останется больше ни одного прихожанина ни в одной из церквей, то религия (религии) останется мощной силой, философской ситемой, которая так сильно определила строение культурного ландшафта в прошлом и имеет множество наследующих ему структур в настоящем. Само разделение на Запад и Восток, достаточно условное, тем не менее определяется почти во всем религиозной историей. Отличие западной и восточной структур лежит в основном в различии коллективного и индивидуального в различных религиях. Это отличие существует между восточными культурами

— магометанством, буддизмом с одной стороны, и христианством, с другой. Христианство подразумевает личную свободу, — верить или не верить, через веру обещается спасение. В восточных религиях принадлежность к религии есть принадлежность ко всему общественному, из них как бы нельзя выпасть. Еще важнее внутрехристианское отличие протестантизма от других христианских течений. Протестантизм позволяет личное общение с Богом, в нем церковь как институт коллективного общения с высшим существом отсутствует вовсе. Также очень важно, что успешность некоторой физической, земной деятельности признается богоугодной. Именно эти факторы определили в Европе возникновение типа свободного торговца, коммерсанта и привели к возникновению буржуазного общества со свободным обменом товарами, а потом и аналогичной ситуации в области торговли идеями и массового сознания. Интересно, что иудаизм во многом совпадает с протестантизмом в перечисленных особенностях, и в этом, с одной стороны, корни некоего шейлоковского типа, жидаростовщика, — успешного коммерсанта, а с другой стороны, это определило во многом антисиметизм в непростантских странах.

Несмотря на упрощенность, модель отличия Запада и Востока, как отличия в иерархии двух парадигм, все же дает представление о некотором перевертывании сознания, о некотором поле, которое должно где-то менять знак. И здесь мы вспоминаем и чаадаевское утверждение, отказывающее России и в западности и в восточности, и гумилевскую изотерму января, и восприятие России как пограничной структуры. Православие в системе координат "коллективное — индивидуальное" также воспринимается как нечто среднее, — и не коллективное, и не индивидуальное, или и то, и другое вместе. Приходят в голову и некоторые характерные особенности русской истории. Почему марксизм, как некая утопическая западная теория общественного устройства, перенесенный на русскую почву, вдруг оказался безумно агрессивным, воинствующим, жестоко расправлялся с противниками, с религией, которая имела к нему весьма опосредованное отношение, всего лишь как исторический иллюстративный материал? Не можем ли мы предположить, что пограничное состояние России уравнивает в русском сознании две описанные модели, лишает их иерархической обусловленности и приводит их в исторически непрерывный конфликт? Но тогда история Чертоля предстает как некая борьба двух парадигм, причем то одна, то другая захватывает осажденную крепость, стирает ее с лица земли, строит новую, а то и сама каким-то образом перерождается, профанизируется или сакрализуется. Очень интересным в этом смысле кажется тот вечный, прямо-таки метафизический забор, который здесь существует. Он возник перед разрушением храма, потом за ним долго строили дворец, потом он окружал бассейн, теперь он стал настолько прочным и вечным вокруг новой стройки, насколько может быть таким нечто "временное". Перманентная попытка охватить в кольцо, взять в осаду, или наоборот, отсидеться в крепости, — попытка решить проблему конфликта двух моделей сознания. Небольшая буря в стакане воды, столкновение сил массового

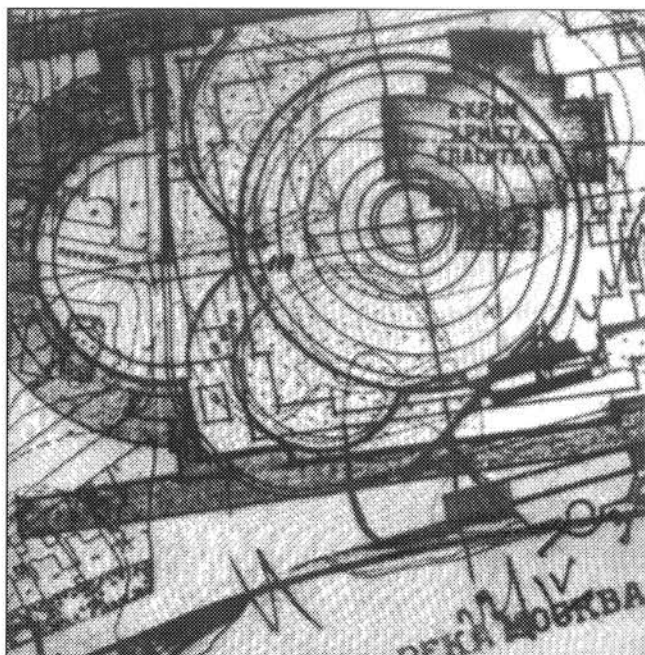
и сакрального, разыгравшееся во время акции БМ, — это некоторая частная ситуация той же природы, причем силы сакрального выступали в откровенном облике профанизированного сакрального.

Само по себе русское христианство, православие, когда-то до Петра (ставшего superstar по количеству ссылок в этой статье) было абсолютной ценностью, делавшей Россию в сознании русских некоей сверхистиной. Конфликты внутри церкви, а также конфликты светской и духовной власти (такие как реформа Никона, спор иосифлян и нестяжателей) только подчеркивали этот факт. По выражению Любчевского все остальное рассматривалось "как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы". После реформ Петра Россия превратилась всего лишь в отсталое европейское государство. Гонения на церковь в советское время отчасти объяснялись тем фактом, что большевистская идеология пыталась встать на место харизматического абсолюта, отобрав его у церкви. К стати, реформы последних лет, в принципе, повторили историю, коммунистическая идеология потеряла свою сакральность, а Россия в сознании русских — опять отсталое европейское государство. Чувство дискомфорта, вызываемое этим фактом, настолько сильно, что становится определяющим в массовом сознании. Отсюда происходят некоторые явления политической и культурной жизни: стремление возратить самодержавие, и так называемый русский фашизм, который в практике современного искусства приобретает обозначение "русский эзотерический фашизм". После падения режима можно было бы ожидать религиозного ренессанса, однако произошло как раз обратное, гонения на церковь придавали ей некоторую катакомбную героичность и делали ее своеобразной отдушиной в сознании либерального интеллигента советского времени. Церковь окончательно потеряла свое положение, она оказалась в суровом положении рыночного товара в эпоху дикого зарождающегося "капитализма" и потребляется в этом смысле либо на низшем предельно профанизированном уровне, либо как мишурное позолоченное украшение высших арибутов власти. Восстановление Храма Христа Спасителя поэтому выглядит как попытка утвердить личные амбиции Лужкова или других политических деятелей, а также имеет оттенок утверждения имперской мощи России, что так похоже на проект строительства Дворца Советов. Один архитектурно-инженерный факт подчеркивает это обстоятельство. Храм предполагается восстановить на плите фундамента Дворца Советов, которая смещена по отношению к бывшему храму (см. фото). Новый храм нельзя поставить на старом месте, только ценой неимоверно сложных и дорогих работ по удалению старого фундамента и установки нового. И так, храм будет стоять по центру плиты, то есть на месте Дворца Советов. К этому можно добавить еще то, что как-то раз главный архитектор восстановительных работ Покровский, оговорившись, назвал эту (очень похожую на ударную коммунистическую) стройку восстановлением Дворца Советов.

Ни проект БМ, ни настоящее издание не преследуют цели подвергнуть сомнению необходимость восстановления храма. Тем не менее, следует отметить, что это событие не тождественно возрождению русской культуры. Прежде чем восстанавливать храм, хорошо бы разобраться в истинных причинах трагедии, иначе Чертолье будет вечно иллюстрировать патологию русского сознания.

Я далек от мнения, что изложенная гипотеза двух парадигм является определяющим механизмом русской культурной истории. Далек также и от мысли, что именно Россия является неким богоизбранным, особым местом, в котором, благодаря этой избранности, решаются проблемы мира, хотя так и считал Чаадаев. Существуют и другие страны, и не только страны восточной Европы, в которых проявляется сущность некоего разлома. Россия самое гигантское из таких образований, но тем трагичнее для нее.

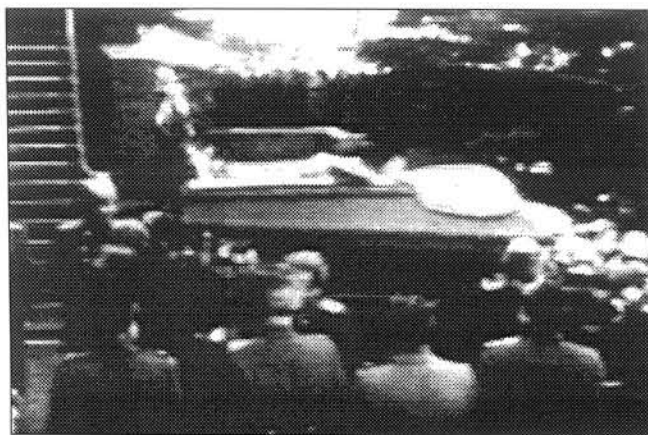
Возникает вопрос: возможно ли каким-то образом разрешить эту проблему? На первый взгляд только тем, что придать постоянную иерархию двум парадигмам, то есть принять либо западную, либо восточную модель, перенести проблему границы на других. Такими попытками вероятно можно трактовать многочисленные метания русской культуры

между Западом и Востоком. Даже если бы это было возможно, то это было бы решением для России, но не снимало бы саму проблему такого необычайно болезненного, травмирующего разлома. Вероятно, возможно создание такой культурной модели современного русского сознания, которая сделала бы этот конфликт если не решенным, то хотя бы менее трагичным и в какой-то мере продуктивным.

Как могло случиться, что точная наука вошла в такое противоречие с религией? Каким образом один язык может так вторгаться в поле другого, ему совершенно неподвластного? В принципе, это вторжение было обусловлено наличием и функционированием одной идеологии, подавляющей все частное и претендующей на исключительную истинность, что соотносится с лиотаровским описанием одной модернистской все себе подчиняющей метанаррации. Но то, что это произошло именно в России, и с необычайной трагичностью и жестокостью, объясняется именно такой особенностью русской культуры, как существование в области разлома, барьера, границы. Если бытовое и возвышенное, профанное и трансцендентное, массовое и сакральное свалены в одну кучу в русском сознании, где они вынуждены в вечном круговороте уничтожать друг друга, то может быть социальные и языковые барьеры, разделяющие социум, не так уж плохи? Здесь может идти речь о некоторой экологии русской культуры, о сохранении видов, о создании некоторых моделей, делающих различие социальных языков не конфликтным, а наоборот продуктивным.

Насколько перемешано русское сознание некоторым образом иллюстрирует история одной философской теории. Речь идет о Николае Федорове и его "патрификации", — всеобщем воскрешении всех когда-либо живших на земле людей ("отцов"). С этой целью Федоров предлагал создание музея, в котором собиралась бы информация о всех умерших, с тем, что когда наука дойдет до определенного уровня, стало бы возможным их воскрешение. Поэтому Федоров всячески пропагандировал развитие науки. Его учеником был К.Циолковский, который, исходя из воззрений учителя, пришел к идее космических полетов и теоретически сформулировал возможность таковых, так сказать создал концептуальный проект. В самом деле, идея всеобщего переселения в космос и превращения людей в "животно-растения" очень близка к идее всеобщего воскрешения. В советское время мистическая философия Федорова представлялась абсолютно не соответствующей официальной идеологии, но, тем не менее, мы можем найти забавные следствия ее влияния. После смерти Ленина Л.Красин предложил всячески увековечить его память и сохранять его тело в как можно более свежем виде для того, чтобы при соответствующем развитии науки последующие поколения могли бы его оживить, выражаясь языком Федорова, "патрифицировать". Гигантский Ленин, который должен был увенчать Дворец Советов — в определенном смысле следствие идеи Красина и, таким

образом, косвенно, правда очень косвенно, Федорова можно считать причастным к разрушению храма Христа Спасителя. С другой стороны, советская космическая программа опять-таки обязана своими успехами Федорову. С космической техникой связана определенная эстетика, — ракеты, скафандры и т.д. Так вот, парадоксальным образом две линии влияния Федорова на советскую культуру неожиданно слились в момент похорон Сталина, которого, как и Ленина, предполагалось законсервировать до лучших времен. Для похорон был изготовлен гроб, в который был вмонтирован стеклянный иллюминатор. Этот иллюминатор превосходит космическую эстетику и выглядит как выпуклый скафандр космонавта. Итак, в определенном смысле, первым космонавтом мы можем считать именно Сталина.

Россия как "место смены знака" подразумевает еще одну шкалу, имеющую прямое отношение к наличию или конфликту двух парадигм. Это шкала "мужское—женское", причем смена знака, к сожалению, не придает русской культуре некоторую продуктивную андрогинность, это действительно нулевая линия, линия конфликта. С этим связаны многочисленные спекуляции в русской мысли. Интересный пример — это теория физиолога Мечникова о таланте художника как о вторичном половом признаке. Если индивид не может найти сексуального партнера в силу каких-то проблем (уродство, например), то он ощущает некий творческий позыв, имеющий биологический смысл украсить его, сделать привлекательным. Эта теория в момент ее создания воспринималась как нечто противоположное психоанализу, но с нашей сегодняшней позиции представляется полностью ему принадлежащей. Это как бы такой русский психоанализ, и не случайно Набоков, так любивший иронизировать по поводу Фрейда, проехался один раз ("Лолита") и по поводу теории Мечникова.

У Бердяева "мужское" и "женское" имеют прямое отношение к русской культуре. Статья "О "вечно бабьем" в русской душе" — рефлексия книги Розанова и описанных им впечатлений встречи конного полка на улицах Петрограда. "Преувеличенная мужественность того, что было предо мною, — как бы ("как бы" в 1914 году — интересное явление — А.В.) изменила структурою организации и отбросила, опрокинула эту организацию — в женскую." Далее у Бердяева следует буквально гимн женскому в русской душе, "истории образования русской государственности" как результата "государственного дара покорности русского народа", "смирения личности перед коллективом", розановского чувства "я на тротуаре".

В другой статье Бердяева, "Творчество и пол", сексуальность предстает как одна из главных творческих энергий, описывается тип совершенного и недостижимого "Образа Божьего — мужедевы" и говорится, что "сексуальный акт по мистическому своему смыслу должен был бы быть вечен, соединение в нем должно было бы бездонно углубляться." Эта эстетская, возвышенная теория, по отношению к которой теория Мечникова кажется вульгарной, тем не менее происходит из того же русского разлома, русской ментальной "изотермы января".

Акция БМ была попыткой каким-то образом манипулировать масс-образом на границе с сакральным. В принципе можно вести разговор лишь о каком-то скромном моделировании этого явления, поскольку в условиях свободных каналов информации масс-образ невозможно создать и контролировать соответственно социальному, экономическому, художественному или любому другому проекту. В случае с таким социальным действием, как акция БМ, можно говорить лишь о какой-то иницирующей точке, социальное настолько же сильнее индивидуального, насколько общая языковая практика сильнее идеолокта.

Ниша масс-образа в московском художественном ландшафте пуста настолько, что некоторые государственные или социальные структуры как бы берут на себя функции художника. В качестве примера можно привести недавнее заявление ФСК по поводу того, что Джордж Сорос — американский шпион и его деньги, предназначенные для развития русской культуры и используются в интересах Запада для подрывных целей. Само по себе это заявление со всей его логической несогласованностью и обилием различных цитат претендовало бы на довольно интересное произведение искусства, если бы оно исходило от художника, а не чиновника. Фигура Жириновского и всей либерально-демократической партии также претендует на явление современного искусства. Итак, ни один из художников не берет на себя смелость подобно Луи Пастеру испытывать на себе новые методы вакцинации против социальных болезней. Некоторые действия Александра Бренера и Олега Кулика попадают в эту категорию, но в целом для такой страны, как Россия, с таким огромным количеством идиотизма и социальных конфликтов, — это капля в море.

Сферы масс-образа касались многие западные художники, в первую очередь Бойс, который говорил, что его цель — делать социальные скульптуры, организовал партию и т.д. Сюда можно отнести Христо (не саму упаковку, как таковую, а, например, его длительное общение с немецкими инстанциями по поводу упаковки рейхстага), Питера Фенда, Сальмона Ружди. Но в целом сфера масс-образа остается в современном искусстве невостребованной, о чем говорит множество явлений, которые претендуя на то, чтобы быть произведениями искусства, остаются чисто социальными факторами.

Материалы, напечатанные в каталоге БМ, дают хорошее представление об особенностях современного русского сознания, о его шизоидности, его инфантилизированности. Когда эти тексты сведены в одно поле, одно тело, сразу бросается в глаза, что ответ какого-нибудь сумасшедшего ничуть не менее ценен, чем ответ современного русского интеллектуала, а по своей метафизической "истинности", может быть даже выше его. Интересными представляются портреты участников акции. Лица людей, побывавших в бассейне — это какая-то особая история, не уступающая текстовой.

Сама тактика составления каталога ни в коем случае не была некоторой утопией, попыткой как-то приукрасить жизнь, сделать каталог лучше, чем то, что произошло. Все грамматические ошибки сохранены такими, как они есть. Если какие-нибудь тексты, рисунки или информация утеряны или исчезли в результате буквально "злого" умысла, то это считается не менее значимым, чем то, что утрачено. Если рассматривать каталог как отчет о состоявшейся акции, то он, возможно, несет в себе недостатки субъективности, поскольку составлен от начала до конца одним человеком. Но позиция составителя — это не некоторая метапозиция. Единственная метапозиция каталога это императив русского алфавита, которому так часто приписывают теперь манифестацию власти, и который является продуктом коллективного творчества таких замечательных персоналий, как Кирилл, Мефодий, Петр Великий и Ленин. Моя позиция — это скорее отождествление с теми социальными барьерами, о которых много говорилось, а может быть, и с женской сущностью предлагавшегося к наполнению и навсегда утраченного бассейна.